

И.Ф. Анненский

О романтических цветах

Оригинал здесь -- http://dugward.ru/library/gumilev/annenskiy_romant_cv.html

В последнее время не принято допытываться о соответствии стихотворного сборника с его названием.

В самом деле, почему одну сестру назвали Ольгой, а другую Ариадной? Романтические цветы - это имя мне нравится, хотя я и не знаю, что, собственно, оно значит. Но несколько тусклое как символ, оно красиво как звучность, - и с меня довольно.

Темно-зеленая, чуть тронутая позолотой книжка, скорей даже тетрадка Н. Гумилева прочитывается быстро. Вы выпиваете ее, как глоток зеленого шартреза.

Зеленая книжка оставила во мне сразу же впечатление чего-то пряного, сладкого, пожалуй, даже экзотического, но вместе с тем и такого, что жаль было бы долго и пристально смаковать и разглядывать на свет: дал скользнуть по желобку языка - и как-то невольно тянешься повторить этот сладкий зеленый глоток.

Лучшим комментарием к книжке служит слово "Париж" на ее этикетке. Русская книжка, написанная в Париже, навеянная Парижем...

Юный маг в пурпуровом хитоне Говорил нездешние слова, Перед ней, царицей беззаконий, Расточал рубины волшебства.

А когда на изумрудах Нила Месяц закачался и поблек, Бледная царица уронила Для него алеющий цветок.

В этих словах не один искусный подбор звукоцветностей, в них есть и своеобразная красота, только она боится солнечных лучей. Ее надо рассматривать при свете и даже при запахе от уличного "bee Auer" (газового рожка (фр.)). Днем черты экзотической царицы кажутся у спящей точно смятыми, да и у мага по лицу бродят синеватые тени. Но вчера в *safe-concert* (кафешантан (фр.)) они оба были положительно красивы, размалеванные.

Никакого тут нет ни древнего востока, ни тысячелетнего тумана: бульвар, bee Auer, кусок еще влажного от дождя асфальта перед кафе - вот и вся декорация "ассирийского романа".

Не ушли стихи Н. Гумилева и от дьявола, конечно. Только у Н. Гумилева это, к счастью, не карамазовский дьявол, а совсем другой.

Но что же из всего этого? Мы слишком серьезны. Нам нужно во что бы то ни стало, чтобы дьявол вышел и в стихах именно такой, каким он снился аскетам после голода и самобичеваний. Но Париж ведь не со вчерашнего дня знает и другого дьявола, этот дьявол - создание городской фантазии, мечта Мансарды и Буль-Миша; это он был *se boheme gicnant* (ухмыляющаяся богема (фр.)). М. Роллина и не о нем ли плакала еще недавно и верленовская шарманка? Что же? Разве этот дьявол не может быть красив? Вам смешна великая любовь дьявола, и что он дьявол, и что он плавал (здесь - за магнитом Ф. Сологуба, кажется) - напрасно. В бульварном дьяволе, может быть, есть абрис будущего...

Почему "мореплаватель Павзаний" и "император Каракалла" должны быть непременно историческими картинами? Для меня довольно, если в красивых ритмах, в нарядных словах, в культурно-прихотливой чуткости восприятий они будут лишь парижски, пусть даже только бульварно-декоративны.

И над морем седым и пустынным, Приподнявшись лениво на локте, Посыпает толченым рубином Розоватые длинные ногти.

Это положительно красиво... а Красивое, право, не так-то уж далеко и от Прекрасного. *Pulchrum non unum sed multa* (Прекрасное не едино, но множественно (лат.)). Н. Гумилев умеет смотреть, если захочет, и говорить о том, что видит, если видение красиво.

Кто был бледный и красивый рыцарь,
Что проехал на черном коне,
И какая сказочная птица
Кружилась над ним в вышине?
И какой печальный взгляд он бросил
На мое цветное окно,